

УДК 343.12
ББК 67.410.2

В.К. Аулов

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ РАВЕНСТВО СТОРОН КАК АНТИКОРРУПЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СУДЕЙ

В статье освещаются некоторые теоретические проблемы процедуры привлечения судей к дисциплинарной ответственности и содержатся предложения по усовершенствованию юридической техники работы квалификационных коллегий и модернизации законодательства, регулирующего процедуру такого производства.

Ключевые слова: коррупционные предпосылки правонарушений; дисциплинарная ответственность судей; независимость судей; инициаторы дисциплинарного производства; равенство сторон дисциплинарного производства.

V.K. Aulov

PROCEDURAL EQUALITY OF THE PARTIES AS AN ANTI-CORRUPTION COMPONENT OF DISCIPLINARY LIABILITY OF JUDGES

The paper highlights certain theoretical problems of taking disciplinary proceedings against judges and contains suggestions on improving the legal work technique of qualification boards for judges as well as on modernizing legislation that regulates such proceedings.

Key words: corruption prerequisites of crime; disciplinary liability of judges; independence of judges; initiators of disciplinary proceedings; equality of the parties of disciplinary proceedings.

Согласно положениям ст. 12.1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» [1] и ст. 11 Кодекса судейской этики [2], на судью за совершение дисциплинарного проступка может быть наложено дисциплинарное взыскание. Иными словами, ни законом, ни корпоративным этическим кодексом не предусмотрена обязательная реализация материалов о недостатках в сфере судопроизводства – о совершении судьей дисциплинарного проступка. Такая правовая техника позволяет на легитимных основаниях оставлять материалы о недостатках в сфере судопроизводства без рассмотрения и правовой оценки, сохраняя выявленные недостатки, т. е. может содержать коррупционный компонент.

Само же установление процедуры дисциплинарного производства ст. 14 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» [6] отнесено к компетенции Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. В соответствии с этой отсылочной нормой в настоящее время порядок рассмотрения жалобы или сообщения о совершении судьей дисциплинарного проступка и порядок рассмотрения представлений и обращений о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности регламентируются лишь

двумя статьями Положения о порядке работы квалификационных коллегий судей [2] (далее – Положение) в правовом единстве со ст. 22–25 указанного выше закона*.

В то же время судебная практика выявила несовершенство процедуры привлечения судей к дисциплинарной ответственности, которое, вероятно, свидетельствует об институциональном неравенстве сторон дисциплинарного производства, игнорировании некоторых общепризнанных мировым сообществом принципов права, в том числе права на защиту, и, как следствие, о возможности коррупционных проявлений.

Согласно п. 4 ст. 28 Положения обязанность доказывания совершения судьей дисциплинарного проступка, влекущего дисциплинарную ответственность, возлагается на лицо, подписавшее представление либо обращение, или на его представителя, действующего на основании доверенности. В этой части формальное равенство сторон дисциплинарного производства обеспечивается правом судьи, в отношении которого имеется представление или обращение о привлечении к ответственности, иметь по данному делу своего представителя.

* Автор исходит из того, что Регламент дисциплинарного судебного присутствия не является документом, регламентирующим дисциплинарное производство.

Однако сущность права на представительство судьи, в отношении которого ведется производство, и такого же права инициатора этого производства, неравнозначны.

Судебная практика и практика работы квалификационных коллегий не усматривают нарушения в том, что инициаторы дисциплинарного производства, наделяя своих представителей полномочиями участия в рассмотрении своих представлений, тем самым доверяют им часть (дисциплинарный компонент) своих полученных в конституционно-правовом порядке должностных полномочий. Оставлена без правового интереса и коллизия между запретом для судей быть представителем и тем, что именно судьи, как правило, осуществляют представительство инициаторов дисциплинарного производства.

По мнению квалификационных коллегий, не является препятствием и то, что представительство может осуществляться судьями, т. е. субъектами, в отношении которых председатель суда обладает рядом властных полномочий, начиная от права инициации того же дисциплинарного производства и заканчивая правом определения размера дополнительных выплат, в том числе из фонда экономии заработной платы.

Последнее обстоятельство требует правового решения противоречия между презюмируемым публичным интересом инициатора дисциплинарного производства и тем, что и его личный доход зависит от реализации подготовленных им представлений о привлечении к дисциплинарной ответственности, так как указанный фонд экономии увеличивается при досрочном прекращении полномочий судьи руководимого им суда.

Обвиненный судья, в отличие от инициаторов, лишен возможности рекрутировать своих представителей из когорты наиболее высокопрофессиональных юристов-судей, поскольку, как уже было отмечено, правовые нормы Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» запрещают такое представительство.

К месту проведения заседаний квалификационных коллегий представитель судьи и сам судья, в отличие от инициаторов и их представителей, следуют не за государственный счет. Обвиненный судья за свой счет оплачивает свое и представителя проживание в гостинице, а также все иные расходы, связанные с осуществлением защиты. Действующий порядок рассмотрения дисциплинарных дел не предусматривает возврат судье понесен-

ных им расходов даже в случае отказа в удовлетворении представления о привлечении его к дисциплинарной ответственности или отзыва этого документа.

С учетом того, что решение по представлению может занять значительное время и быть принято и на втором, а зачастую и на третьем заседании квалификационной коллегии, самостоятельное финансирование судьей своей защиты является неравноправным дополнительным обременением и может свидетельствовать о нарушении конституционного принципа независимости судей.

Между тем ст. 2 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» провозглашает единство статуса судей, т. е. все судьи в Российской Федерации обладают единым статусом, а независимость судьи на основании ч. 2 ст. 9 того же закона гарантируется особой защитой государства.

Приведенные правовые нормы в своей взаимосвязи с закрепленным в Конституции Российской Федерации положением о том, что судья является носителем судебной власти, должны означать надежную защиту любых представителей государственной власти от необоснованных обвинений.

Особую важность защита судей государством приобретает с учетом того, что к дисциплинарной ответственности судья привлекается на основании обвинения, публично выдвинутого другим носителем судебной власти (в подавляющем большинстве случаев председателем суда), обладающим единым с ним статусом и обязанным выполнять добровольно принятые на себя ограничения. В это число входят и ограничения, установленные п. 2 ст. 3 вышеуказанного закона, предусматривающие, что судья «... при исполнении своих полномочий... должен избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти, достоинство судьи или вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности».

Суждение о том, что на председателей судов возлагается повышенная ответственность за выполнение ими профессиональных обязанностей, соблюдение законов и правил судейской этики, в том числе и при выдвижении обвинений в совершении дисциплинарных проступков другими судьями, полностью соответствует постановлениям Конституционного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2008 г. № 3-П [3], от 7 марта 1996 г. № 6-П [5] и от 19 февраля 2002 г. № 5-П [4].

Повышенная ответственность лиц, имеющих право выдвигать такие обвинения, объясняется тем, что публичные обвинения в адрес носителя судебной власти наносят ей ущерб безотносительно дальнейшего подтверждения таких суждений. В случае подтверждения выдвинутых обвинений умаляется авторитет судебной власти дискредитирующим властью поведением судьи, совершившим дисциплинарный проступок. При безосновательном инкриминировании авторитет судебной власти умаляется тем, что инициаторы дисциплинарного производства – председатель суда или орган судейского сообщества – сами оказываются опороченными.

Компрометация происходит в двух формах – в зависимости от того, выдвигалось ли неподтвердившееся обвинение в нарушении закона или норм Кодекса судейской этики. Первая – в виде юридической констатации отсутствия у председателя суда или органа судейского сообщества способности дать правильную оценку правовой ситуации (при неправомерном обвинении судьи в нарушении закона), что дает основание предполагать профессиональную дисквалификацию и деградацию обвинителей. Вторая форма компрометации качественно снижает общественное мнение о судебной системе и наносит ей урон в связи с тем, что отказ в удовлетворении выдвинутых обвинений свидетельствует о наличии у инициаторов искаженных нравственных ориентиров. Последнее обстоятельство свидетельствует о возможном несоответствии субъективных интересов стороны, выдвинувшей неподтвердившееся обвинение, истинному смыслу Кодекса судейской этики.

Приведенные суждения представляются справедливыми и для ситуаций частичной доказанности выдвинутого обвинения.

Таким образом, защита судьи, обвиненного в совершении дисциплинарного проступка, является не его частным делом, а имеет публичный интерес, а потому должна финансироваться исходя из принципа процессуального равенства – на паритетных началах с инициатором дисциплинарного производства.

Необходимость соблюдения принципа равенства сторон в совокупности с отсутствием ответных санкций к инициаторам в случае необоснованного обвинения ставит на повестку дня вопрос о необходимости устранения безосновательных обвинений, умаляющих авторитет государственной власти.

Достигнуть этого можно только с учетом требований антикоррупционного законодательства и специфики ныне существующих

несовпадений между юридической формой судебной власти как нейтрального, незаинтересованного в исходе дела арбитра, и исключительно обвинительным* содержанием дисциплинарных прав профессионального административно-властного аппарата судебной системы, обязательная ответственность которого в связи с выдвижением необоснованных дисциплинарных обвинений законом не предусмотрена**[3].

На основании изложенного можно сделать вывод о следующих противоречиях, существующих в сфере дисциплинарного производства.

Во-первых, налицо определенная правовая коллизия между наличием у председателя права передоверить (в том числе и судьям) часть своих конституционных путем полученных полномочий и тем, что последующая проверка правомерности такого передоверия проводится в рамках процедуры, которая предусматривает прямой запрет для судей быть представителями.

Во-вторых, участие представителей инициаторов производства в дисциплинарном процессе при выдвижении обвинений в нарушении норм Кодекса судейской этики противоречит принципу диспозитивности, поскольку защищающийся судья лишается возможности задать вопросы, ответы на которые может дать только председатель суда лично как носитель этических норм***. Последнее обстоятельство приобретает особую актуальность при совершении инициатором производства тех же самых действий, которые он сам расценил как нарушение требо-

* Указанная тенденция лишь усилилась с образованием Дисциплинарного судебного присутствия.

** Масштабы влияния дискреционных полномочий председателей судов на структуру и динамику дисциплинарной ответственности судей наглядно проиллюстрированы председателем Высшей квалификационной коллегии судей РФ В.В. Кузнецовым, заявившим, что за межсезонский период квалификационные коллегии судей отказали в привлечении к дисциплинарной ответственности по 445 представлениям и обращениям. Поскольку за тот же период 1514 судей были привлечены к дисциплинарной ответственности, то оказалось, что больше чем пятая часть от общего количества рассмотренных квалификационными коллегиями представлений и обращений о привлечении к дисциплинарной ответственности не нашли своего подтверждения. Указанное количество отказов в удовлетворении выдвинутых против судей обвинений является доказательством существования еще не осмысленного правового феномена неправомерной инициации процедуры дисциплинарной ответственности судей.

*** Через организационно-распорядительные полномочия председателей судов по инициации проверок других судей и процедуры привлечения их к дисциплинарной ответственности в дисциплинарный процесс неизбежно привносится субъективный элемент. Косвенно наличие такого элемента подтвердил в ходе первых Сенатских чтений Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Зорькин.

ваний Кодекса судейской этики.

В-третьих, действующее законодательство возлагает на судью, в отношении которого начато производство, дополнительную нагрузку по защите публичных интересов, не устанавливая каких-либо санкций для инициатора производства ни в случаях отказа квалификационных коллегий в привлечении к ответственности, ни в случае отзыва публично выдвинутого обвинения, не освобождая обвиненного индивидуального носителя государственной власти от его процессуальных обязанностей по рассмотрению дел по существу на период такого производства, и обязывает его за свой счет опровергать обвинения другого судьи, профинансированные из государственных средств.

Нейтрализация безосновательных обвинений может быть достигнута путем формирования внутрисудебной самостоятельной системы сдержек и противовесов как части антикоррупционного механизма судебной системы.

Внедрение правового механизма автоматического привлечения к дисциплинарной ответственности лица, необоснованно иницировавшего процедуру дисциплинарного производства или выдвинувшего неподтвердившееся в последующем обвинение, могло бы способствовать разрешению управленческих по своей сути конфликтов, исходя из конституционного принципа независимости судей и единства их статуса.

При этом следует презюмировать виновность субъекта, выдвинувшего обвинение, которое в последующем не подтвердилось, поскольку законодатель аккумулировал у инициаторов выдвижения обвинения столь объемные и разносторонние дискреционные полномочия, что одно обладание ими по оп-

ределению исключает невинную ошибку. Очевидно, что нравственная ответственность органа судейского сообщества, выдвинувшего неподтвердившееся обвинение, также весьма высока, в связи с чем при отказе в удовлетворении обращения полномочия органа судейского сообщества подлежат досрочному прекращению.

Предложенные меры распространяются и на случаи отзыва представлений и обращений о привлечении к ответственности, поскольку практика безнаказанного отзыва публично выдвинутых обвинений в адрес государственной власти не соответствует, как это было проиллюстрировано выше, конституционному принципу равенства всех перед законом и судом. Готовность инициаторов выдвижения обвинения реализовывать предложенные симметричные дисциплинарные меры в отношении себя в случае неподтверждения выдвинутого ими обвинения повысила бы их морально-нравственный статус в глазах всего судейского сообщества, способствовала бы постоянному осознанию границ собственной компетенции и сформировала бы антикоррупционную доминанту в этическом кодексе статусного сообщества.

Таким образом, кумуляция конституционно-правовых, морально-нравственных и гражданско-правовых коллизий процедуры привлечения судей к дисциплинарной ответственности представляет в своей совокупности существенную коррупционную составляющую, ликвидировать которую можно в рамках существующей правовой парадигмы – при законодательном закреплении приведенных выше предложений и, кроме того, при замене ныне существующего дисциплинарного производства на процедуру импичмента судей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 30, ст. 1792.
2. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. СЗ РФ. – 2008. – № 10, ч. 2, ст. 976.
4. СЗ РФ. – 2002. – № 10, ст. 1015.
5. СЗ РФ. – 1996. – № 14, ст. 1549.
6. СЗ РФ. – 2002. – № 11, ст. 1022.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATED)

1. Vedomosti SND i VS RF. – 1992. – № 30, st. 1792.
2. Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus».
3. SZ RF. – 2008. – № 10, ch. 2, st. 976.
4. SZ RF. – 2002. – № 10, st. 1015.
5. SZ RF. – 1996. – № 14, st. 1549.
6. SZ RF. – 2002. – № 11, st. 1022.

Информация об авторе

Аулов Владимир Константинович (Чита) – старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса. Читинский институт ГОУ ВПО «Байкальский государственный университет экономики и права, (672000, г. Чита, ул. Анохина 56, e-mail: vladimiraulov@list.ru)

Information about the author

Aulov, Vladimir Konstantinovich (Chita) – Senior Instructor, Chair of Criminal Law and Process. Chita Institute of Baikal National University of Economics and Law (56, Anokhina str., Chita, 672000, e-mail: vladimiraulov@list.ru)